

Села нос к носу: вызов угроза аларм!

Наклоняется над Марфиной головой: доминирование угроза аларм!

Обнимает Царя и достаёт телефон для селфи: а это вообще что за штукуень тупорылая носом тычут аааааааааа помогите!!!

— Ты бы покинологичнее встала, что ли, — говорю. — Кинологи фотки увидят и не поймут.

— Да что ему сделается, если три секунды попози... — отзывается Кристинка и захлёбывается от царёвского поцелуя: улучил момент.

* ** *

По сути, она права. Если эти фотографии и попадутся на глаза паре-тройке кинологов, те просто поплюются и забудут. Но нам-то нужно привлекать широкий круг людей, а широкому кругу тисканья и селфи с улыбкой в камеру нравятся больше. Да и на Кристинку собаки реагируют как люди, только со смещением фокуса. Людям нравится её трогательная внешность, а собаки видят прежде всего то, что под ней. У Кристинки полная гармония в этом плане.

А родной пёсий язык, язык жестов и телодвижений, в приюте за ненадобностью уплывает. Вернее, забывается в глубины сознания, и вытащить его обратно не так-то просто.

Но главная причина, почему человеческий язык приютские псы принимают за захлёб, — думаю, в другом.

Им не хватает внимания.

В магазине животные вниманием измучены. Что с того, что там висит табличка — стекло руками не лапать? Взглядами тоже залапать можно. Отсюда тоска и уход в себя.

Здесь, в приюте, — другая крайность. Здешние — брошены и непрошены. И когда приходят волонтеры — полигон светлеет.

Гулянки. Игрушки. Почесушки. Крекеры. Да, крекеры — чёрт с ними: вкусно, невкусно, ты дай, разберёмся.

В жизни на десять минут появился смысл. У тех, магазинных, — десять минут отдыха от людей, у этих, приютских, — десять минут людей.

Это другие вольеры.

Глава 1

Чинчиша

А познакомились мы в суде.

Вернее, как познакомились: развиртуализировались. За три дня до того я добавила её в друзья во «ВКонтакте» и спросила: «Здравствуйте, вам корм нужен?»

В ответ пришло сообщение со смайлами вместо про-
белов.

«Здравствуйте!)Всегда нужен!)Это же приют!»

Чуть ранее моя ученица Настя сдала мне на руки тринадцать кило диабетического корма, из которого вырос её овчар. Тринадцать — потому что два кило он уже схомячил.

На следующий день корм вывезла на машине какая-то девушка-волонтер. А с Кристиной мы болтали во «ВКонтакте» несколько вечеров подряд. Кристина на пять лет меня младше, волонтерит в приюте с пятнадцати лет и учится на госслужащую. Однажды она мне написала:

«Не хочешь в суд сходить?»

Я поперхнулась.

«Судят малолетку, — продолжала она, — за то, что покупала в зоомагазине котят и отрезала им головы. Был ещё парень, но его по малолетству отпустили. Нужно побольше слушателей. Это в четверг».

В четверг я стою в центре зала её станции метро и глазею по сторонам. Во «ВКонтакте» у Кристинки дерево на аватарке и цитата Махатмы Ганди в статусе: «Если желаешь, чтобы мир изменился, сам стань этим изменением». Я тогда ещё подумала, что узнаю её, наверное, по каким-нибудь дредам и огурцам на штанах. Но потом увидела в подписках «Светка Супер Ноготки» и поняла, что обойдёмся без дредов.

Но всё-таки я её вижу сразу.

Выбегает навстречу: невысокий рост, гладкие рыжие волосы, бежевый пуховик. Чёрные, немного раскосые глаза, лучезарная улыбка.

— Привет, извини, давно ждёшь? Поехали, там ещё телевизионщики подойдут, движухи будет много, ма-разма тоже.

Мы забиваемся в поезд в сторону центра.

— Ну, рассказывай! — кричит она мне в ухо. — У тебя есть собаки, кошки?

— Два кота! — ору в ответ.

— Подкидыши?

— На помойке нашла обоих!

— Кастрировала?

У меня, кажется, ползёт вверх правая бровь.

— Не-а, — отвечаю. — Но с этим нет проблем. А у тебя — Вадос, так?

О Кристинке я всё-таки успела немного узнать по её следам в интернете. «Вадос — мой лучший любимый друг!» — сообщает она под фотографией годовалого овчара с болванским выражением на морде.

Когда таким образом основные моменты прояснились, Кристинка рассказывает мне о деле.

Началось всё в лохматом году, когда оба — и парень, и девка — были школьниками. Они исполняли какой-то обряд. Такие обряды практикуются, поэтому незадолго, например, до Хэллоуина в приютском паблике закрепляют пост: «Внимание! Чёрных котов НЕ отдавать никому до второго ноября с.г.!»

Парню на тот момент не было и шестнадцати, поэтому его отпустили. Девка чуть старше и огребает теперь в одиночку. Они ещё и встречались, а потом он её бросил. Бабья доля — полный набор.

В предбаннике уже собрался народ: парочка активистов — тоже лет на пять меня младше, пара Кристинкиных сокурсников и охранник в скафандре, как у Дарта Вейдера.

— ...Я вообще часто езжу в Вязёмы, — рассказывает кому-то низенькая девчонка с пухлым и грозным лицом. — Там мой знакомый сидит. А сюды у меня вообще аккредитация. Активистка, спрашивают? Чё, правда, что ли? Ага, а по мне прям незаметно, да? Бесит.

Девчонку отбрасывает дверью в сторону, и в предбанник вваливаются люди с камерой, штативом и предпринимчивыми лицами.

— Макс, — представляется парень лет под тридцать, с чёлкой а-ля «первый парень на районе» и профессиональной хитрецей в глазах. — Пойдёмте, пойдёмте, скоро начало.

Охранник сканирует нас, и мы поднимаемся на третий этаж.

— Вот эта?

— Ага.

Девка-живодёрка сидит в трёх метрах боком к нам, нога на ногу, лицо рябое и не выражает абсолютно ничего. В нашу сторону не смотрит; краем глаза уловив камеру, спокойно берёт папку и заслоняет ею лицо. В таком положении и остаётся.

— Значит, так, — говорит Макс, не особо стесняясь живодёрки. — Кто из вас активисты? Вот вы все? Короче, смотрите, мы делаем сюжет. Вот после суда она выйдет, а там вы уже ждёте. Вот, держите бумажки, кинете в неё и покричите что-нибудь.

— Чего?!

— Ну чего-чего. Типа «сдохни, тварь». Ну проявите фантазию, нам движуха нужна!

Он съёт нам какие-то бумажные огрызки, аккуратно разодранные и скатанные в шарики, а его коллега — девушка-оператор с каре и мартышечьими чертами лица — предлагает всем беляши. Я вежливо отказываюсь, ребята переглядываются: они ещё немного ошарашены тем, что им предстоит. Только Кристинка еле заметно усмехается.

Тут открывается дверь в зал суда, всех зовут, и мы идём — кто с беляшами, а кто с бумажками.

Зал тесный и полупустой; мы падаем на галёрку, телевизионщики скрежещут штативами сбоку. За нами всё та же дартвейдерская охрана. Судья — моложавая тётка с высохшим лицом. Живодёрка сидит в первом ряду, чуть наискосок, рядом с ней — рыхлая баба с пергидрольными волосами и в костюме «Абибас». Мать её.

На самом заседании ничего замечательного не происходит: оно уже четвёртое или пятое по счёту. Всё уж давно понятно и сводится к тупой бюрократии.

Я смотрю живодёрке в спину. У меня почему-то даже её спина вызывает нездоровый интерес.

— Подсудимая хочет что-то сказать? — спрашивает судья.

Меня толкает в бок Кристинка. Шепчет своим нежным голосом с неожиданной злостью:

— Слушай, слушай. Сейчас она будет изгаляться. Лишь бы на зону не попасть.

— Галёрка, тихо!

Живодёрка встаёт, рябое лицо по-прежнему закрыто, будто она родилась с папкой в нужном месте.

— Ваша честь, — начинает она. — Вы не представляете, насколько мне эмоционально тяжело. Я сплю плохо. Я каждую ночь вижу перед собой то, что делала. Я не могу себя простить.

Я вдруг замечаю, что ноги у неё кривые.

— Заседание окончено, — говорит судья. — Все свободны.

У выхода уже топчется живодёркина мать — боится на случай непредвиденного. Кажется, лица у нас в суде и правда были кровожадные.

Здесь же стоят камеры. И Макс-репортёр.

— Короче, активисты! Ваш час. Бумажки наизготовку!

Становится тихо. С неба падают скудные снежинки.

Дверь открывается, и на улицу выходит живодёрка. Выцветший зелёный пуховик, капюшон надвинут на лицо, и снова, снова, снова папка.

— Ну же! — кричит Макс.

Мы смотрим на бумажки в руках. Потом на Макса как на дебила.

Чья-то бумажка падает на асфальт, как пародия на снежинку, и прыгает по тротуару. Живодёрка, закрываемая матерью с тыла, топает на своих кривых ногах мимо нас и скрывается за углом.

Кристинка первая идёт к мусорке и демонстративно выкидывает Максому бумажную поделку.

Макс тут же как-то весь выпрямляется и становится насмешливым, как ребёнок, который с трудом пытается скрыть обиду.

— Блин, ну отлично. Вы как бы всё заporоли. Мы договаривались, не?

Ему никто не отвечает. Так и расходимся, не прощаясь.

— Ничего мы им не должны, — говорит Кристинка. Мы проводили остальных ребят и забились под крышу торгового центра, греемся и едим. — Тоже мне звезда журналистики.

Меня сейчас интересует не Макс и даже не видеоролик.

— А с этой-то что будет? — спрашиваю.

Кристинка сцепляет пальцы.

— Да что-то. Слышала, как она распиналась? Они это любят. Да и возиться с такими делами никому не надо. Если бы не активисты — никто бы не дёрнулся. Того вон отпустили, этой по-любому условный дадут. Ус-лов-ный! — чеканит она и улыбается. Я вдруг чётко

осознаю, что эта улыбка у Кристинки — что-то вроде фишки. Улыбка для особых случаев, лучезарная и жуткая.

— Так что не парься, — продолжает она. — Ешь. Я просто уже насмотрелась.

Мы молчим. На улице чуть потеплело, слегка моросит, пробка на шоссе увеличилась, а дворники на стёклах ускорились.

— Я поэтому на чинушу и учусь, — наконец говорит Кристинка. — Чтобы хоть как-то и хоть на что-то влиять. А пока я только рабочая сила. Уже хорошо.

— Это ты про волонтерство?

— Ага. Ты, кстати, собак не боишься?

На следующей неделе мы поехали в приют вместе.